

Научная статья
УДК 811.161.1'28
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-4-31-69-77
EDN: CRTUOV

Восприятие шорской культуры через призму метаязыковых рефлексий шорско-русских билингвов

Ольга Владимировна Рыжова

Преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

rizhova19931993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Аннотация. В настоящее время Российская Федерация всё больше развивает проект по сохранению и развитию языков и культур малых народов, населяющих её территорию. Университетам выделяют гранты для изучения исчезающих и / или находящихся на грани вымирания языков, что в свою очередь помогает изучить историю возникновения, функционирование и возможные причины исчезновения языков малых народов. Подобный грант вылился в проект «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014), цель которого – изучение коренных языков Южной Сибири: хакасского, шорского и татарского языков.

В данной статье рассмотрена характеристика шорской культуры на основе анализа метаязыковых рефлексий шорско-русских билингвов. Были проанализированы метаязыковые высказывания на тему шорской культуры и выделены характерные черты.

Анализ проводился на материале полевых записей, собранных на территориях Томской, Кемеровской и Новосибирской областях. Записи речи шорско-русских билингвов были сделаны участниками проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета – в 2017–2019 гг., объем материала – 500 часов. Проанализированы записи бесед с 19 респондентами, общий объем звучания – более 26 часов. Исследованные нами тексты были получены в результате записей бесед исследователей с носителями языка, которые, как правило, носили тематически направленный характер, однако речь респондента не была детерминирована вопросами в той степени, как это происходит в процессе направленных экспериментов. Однако следует отметить, что сами условия сбора материала стимулировали метаязыковую рефлексивность наших собеседников.

Исследование показало, что в сферу рефлексий, обсуждений в первую очередь попадают языковые особенности, культура, традиции и обычаи шорского народа.

Ключевые слова: билингвизм; метатекст; метаязыковое сознание; социолингвистическое анкетирование; психолингвистическое анкетирование; шорский язык; русский язык; культура шорцев

Для цитирования: Рыжова О. В. Восприятие шорской культуры через призму метаязыковых рефлексий шорско-русских билингвов // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 69–77. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-69-77>. <https://elibrary.ru/CRTUOV>

Original article

Perception of shorian culture through meta-linguistic reflexions of shorian-russian bilinguals

Olga V. Ryzhova

Lecturer at the department of english, faculties of natural sciences, physics and mathematics, National research Tomsk state university. 634050, Tomsk, Lenin avenue, 36.

rizhova19931993@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0706-730X>

Abstract. Currently, the Russian Federation is increasingly developing a project on preserving and developing the languages and cultures of small peoples inhabiting its territory. Universities receive grants to study disappearing and/or critically endangered languages, which, in turn, helps to study their origins, functioning, and possible causes of their

disappearance. A similar grant resulted in the project «Linguistic and ethno-cultural diversity of Southykt Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures», supported by a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (grant No. 14.Y26.31.0014), the purpose of which is to study the indigenous languages of Southern Siberia: khakass, shor and tatar languages.

This article considers the shorian culture basing of the analysis of metalinguistic reflections of shorian-russian bilinguals. The author analyzes meta-linguistic statements on the topic of shorian culture and identifies its characteristic features.

The material for the analysis is the field records collected in the Tomsk, Kemerovo, and Novosibirsk regions. Speech recordings of shorian-russian bilinguals were made by the participants of the above mentioned project conducted by the Laboratory of Linguistic Anthropology, Tomsk State University, in 2017–2019, the volume of material – 500 hours. The author analyzed the recordings of conversations with 19 respondents, the total length being more than 26 hours. The texts for the analysis were the recordings of conversations between researchers and native speakers, which, as a rule, were thematic. However, the respondents' speech was not determined by the questions as much as it happens in controlled experiments. It should be noted, though, that the very conditions of collecting the material stimulated the interlocutors' meta-linguistic reflection.

The study showed that the sphere of reflexions and discussions primarily includes the linguistic features, culture, traditions and customs of the Shorians.

Key words: bilingualism; metatext; metalinguistic consciousness; socio-linguistic questionnaire; psycho-linguistic questionnaire; the shorian language; the russian language; culture of shorian people

For citation: Ryzhova O. V. Perception of shorian culture through meta-linguistic reflexions of shorian-russian bilinguals. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(4):69–77. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-69-77>. <https://elibrary.ru/CRTUOV>

Введение

Благодаря поддержке Правительства и Министерства образования и науки Российской Федерации создается большое количество проектов, грантов по изучению и поддержанию культур и языков малых народов, проживающих на территории современной России. Одним из таковых является крупный проект по изучению языкового многообразия Южной Сибири, реализованный под руководством ведущего ученого А. В. Дыбо и поддержанный грантом Правительства Российской Федерации. Его целью является изучение коренных языков и культур народов Южной Сибири в их исторической динамике и современных взаимодействиях. В широком спектре задач проекта находится и изучение языковых ситуаций в регионе, их субъективного восприятия носителями малых языков, вытесняемых из многих сфер жизни государственным языком РФ – русским.

Междисциплинарный проект базируется на взаимосвязи методологии лингвистики (полевые, компаративные, корпусные методы), когнитивистики и психолингвистики (методология психолингвистических баз данных, экспериментальные исследования) [Резанова, Некрасова, Миклашевский, 2018, с. 107–117]. При выполнении проекта были получены данные о тенденциях языковой динамики языков Южной Сибири, об интерференции языковых и речевых структур, о когнитивных и психолингвистических рефlekсах языкового взаимодействия, о факторах (языковых, когнитивных, социальных), определяющих свое-

образии форм, способов и результатов взаимодействия языков юга Сибири (хакасского, шорского и татарского) с русским языком – языком-посредником взаимодействия.

Значительная часть исследований в рамках проекта основывается на данных Бимодального корпуса русской устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBic [Артеменко, Буб, Васильева и др.; Rezanova, Temnikova, Artemenko, Stepanenko, Datsyuk, Dybo, 2019, с. 200–210]. Тексты корпуса формируются на основе полевых записей интервью и бесед с информантами по обширному кругу тем. В настоящее время общий объем корпуса составляет более 500 часов звучания.

Материал и методы исследования

Бимодальный корпус включает три подкорпуса, формируемых на основе записей речи, различающихся конкретным вариантом родного языка тюркско-русских билингвов – шорским, татарским, хакасским. Материалом настоящего исследования послужили данные шорско-русского подкорпуса.

На шорском языке говорят жители севера Кузнецкого Алатау (берега реки Томь и ее притоков Кондома и Мрассу) – шорцы. Они делят свою территорию компактного проживания с Алтайской и Хакасской республиками. Данные переписи населения 2010 года утверждают, что в России проживает лишь 12888 шорцев и только 2839 из них знают родной язык и могут говорить на нем [Всероссийская перепись населения, 2010].

Языковая ситуация в описываемом регионе –

билингвальная несбалансированная, диглоссная сбалансированная (данные термины используются в соответствии со сложившейся системой интерпретации в социолингвистике, см., например [Кожемякина, Колесник, 2006, с. 266]). Билингвальная несбалансированность заключается в доминировании русского языка и вытеснении им шорского языка в сферы семейной и дружеской коммуникации, диглоссная сбалансированность определяется функциональным равноправием двух сосуществующих диалектов. В XX в. шорский язык по преимуществу выполняет функции средства обыденного общения, что дает основание отнести его к функциональному типу херитажного языка, или языка семейного наследия [Азимов, Щукин, 2018, с. 18]. Вторая важнейшая функция шорского языка, выполняемая им в настоящее время – функция маркирования этнокультурной идентичности шорского народа. Эта функция реализуется благодаря государственной поддержке, стимулированию использования языка в сфере культуры и дополнительного образования: в регионах компактного проживания шорцев действуют музеи, основное содержание деятельности которых – представление шорской культуры; ведутся радио- и телевизионные передачи на шорском языке, в том числе адресованные детям, активно функционируют центры шорской культуры, в рамках которых организуются курсы шорского языка, ансамбли народного творчества. Эта функция шорского языка поддерживается не только теми, кто владеет языком в качестве материнского, но и теми, кто обретает его в качестве второго, осваиваемого в центрах шорской культуры. Рассуждая о шорском языке, современные шорцы зачастую выходят в более общую тематику рассуждений о шорской культуре, ее разных аспектах.

Нами были проанализированы устные записи спонтанной речи шорско-русских билингвов, собранные в экспедициях в городах Шерегеш и Таштагол, поселок Большая Суета Кемеровской области, в 2017–2018 годах членами Лаборатории лингвистической антропологии при Филологическом факультете Национального исследовательского Томского государственного университета. Было проанализировано 19 записей бесед, объем которых составил более 26 часов звучания. Респондентами являлись шорцы, относящиеся к II–III возрастным группам [Резанова, Темникова, Некрасова, 2018, с. 56–68] с высшим образованием, одному респонденту было 30 лет (I возрастная группа) на момент анкетирования. 5 из них нача-

ли говорить на русском с 3 лет, 1 человек – с 6 лет и 7 человек – с 7 лет. По словам билингвов, в настоящий момент 90 % коммуникации составляет русский язык, и лишь 10 % – шорский.

Материалом исследования послужили, во-первых, записи интервью, нацеленные на сбор информации о респондентах на основе социолингвистической анкеты [Казакевич, 2006, с. 221–231] и информации об их языковом опыте, в соответствии с вопросами анкеты [Magian, Blumenfeld, Kaushanskaya, 2005, с. 940–967]; во-вторых, записи свободных бесед с информантами. Главное назначение использованных в процессе сбора материала анкет – собрать субъективные оценки языкового опыта в контексте изменяющихся социокультурных, политических обстоятельств, что является своеобразной проекцией языковой ситуации в индивидуальном сознании билингвов. В корпусе фиксируются а) возраст; б) пол; в) уровень образования: начальное vs неполное среднее vs среднее vs среднее специальное vs высшее vs другое; г) тип образования: техническое vs гуманитарное vs естественно-научное vs другое. При этом в фокусе анкетирования оказывается языковой опыт, респонденты характеризуют д) родной язык: татарский vs хакасский vs шорский vs русский; е) а также тип полилингвизма: по количеству вступающих во взаимодействие языков: билингв vs полилингв (внутригрупповый vs другой); по конкретному варианту первого и второго языка билингва: татарско-русский vs хакасско-русский vs шорско-русский; русско-татарский vs русско-шорский vs русско-хакасский; активность использования языков в разные периоды жизни; типовые ситуации и особенности социального контекста актуализации разных языков, степень владения каждым из языков в разных вариантах языковой актуализации. Приведем несколько формулировок этого типа вопросов: «Пожалуйста, оцените по шкале от 1 до 10 уровень владения навыками чтения, понимания устной речи и говорения на данном языке. Как Вы считаете, есть ли у Вас акцент, когда Вы говорите на данном языке, если да, то насколько сильный? Определяют ли Вас как носителя другого языка, когда Вы говорите на данном языке, если да, то как часто?»

Проанализировав анкеты представителей шорской, татарской и хакасской культур и ответы на вышеупомянутые и другие вопросы анкет, В. С. Диброва получила следующие результаты: в системе оценок чаще всего подвергаются сравнению пассивные и активные формы усвоения язы-

ков. Оценки уровня понимания, как пассивной формы усвоения языка, не зависят от возраста, примерно 70 % (из 235 человек) оценили этот уровень на «отлично». Говорение получило оценку «отлично» у 54 % человек. Уровень чтения и письма не получили столь высоких оценок в группах, где респондентам было более 35 лет, однако в группе до 35 лет отмечались высокие показатели этих уровней, что свидетельствует о позитивных результатах реализации языковой политики в регионе [Диброва, 2022, с. 310]. Анализ тематической направленности собственно метаязыковых рефлексий представлен в [Рыжова, 2020, с. 90–92; Резанова, Рыжова, 2021, с. 130–145].

Помимо оценок языкового опыта, участники анкетирования отвечали на вопросы, нацеленные на осознание респондентом себя как носителя шорской / русской культуры: «На каком языке Вы проводите обряды (пример)? Знаете / слышали ли Вы песни на шорском языке? Рассказывали ли Вам в детстве сказки? На каком языке? Знаете / помните ли Вы сказки на шорском языке? Какие сказки?».

Исследователями была отмечена глубокая отрефлексированность респондентами вопросов интервью, связанных с вопросами культуры, то, что для многих современных шорцев «дискурсы национального самоопределения могут быть охарактеризованы как среда их повседневного существования» [Резанова, 2020, с. 97–120].

Таким образом, подчеркнем, что рассуждения билингвов о родном языке, культуре и традициях были зачастую вызваны прямыми вопросами интервьюеров, однако в записях содержатся и обширные записи свободных бесед, в которых шорцы обращаются к вопросам шорской культуры.

Результаты исследования

В качестве маркеров этнокультурной идентичности в работах исследователей, посвященных культурам разных этносов, отмечается: сохранение семейной обрядности, праздничной культуры и блюд национальной кухни [Кондратьева, 2011, с. 190–195]; функционирующая праздничная культура [Федоров, 2020, с. 21–33], национальные традиции и обычаи, язык [Шахбанова, Лысенко, Мамараев, 2014, с. 2779–2783]. Подобные маркеры характеризуют и шорскую культуру.

Как показал анализ, в сферу рефлексии попадают аспекты как духовной жизни шорцев, так и различные аспекты материальной культуры. Как отмечает С. И. Вайнштейн, первоначально, шорцы считались православными, но по факту, они

придерживались шаманизма и промысловых культов. По культуре и происхождению они были похожи на северных алтайцев и некоторые этнические группы хакасов [Советская историч. энциклоп., 1976, с. 509]. Современные шорцы состоят в единстве с природой, шаманы проводят обряды, также устраиваются праздники в честь различных мифологических героев. Интерес к культуре выражается в художественной самодетельности, в обязательном изображении шамана (кама) и сопряженных с такой инсценировкой ритуальных обрядов в ходе съездов и важных событий [Зыкин, 2018, с. 74–89].

Далее перейдем непосредственно к рассмотрению самих этнокультурных рефлексий шорцев. В наших беседах респонденты весьма часто обращались к обсуждению своих представлений об основах мироустройства, значительным аспектом которого является анимизм: одухотворение природы, вера в потусторонние силы как неотъемлемую часть жизни, пантеон богов которой, объединяет богов гор, рек, хребтов, ветра, воды и т. д.: «*Вот так вот там. С этими, как борьба была между шаманами, между духами, ну вот мир делится на три: верхний слой, средний и подземный. Вверху, а там живёт Ульген, Бог Ульген. Средняя, я даже щас это самое, ну подземный – Эрлик. А тут уже, вишь, это самое, ну вот и идёт эээ, нету дружбы между этими духами. Это дух, ну вот эта духовность, я прям вот, я чувствую, я слышу его, вот, что дух Воды есть, Уэси. Дух вот это гор, вот эта мощь стоит, вот, гора Мустаг, ну вот эта Зелёная, Мустаг, это ду...дух – это, это наши культовое святое место вообще было, там есть само... вот снег, где, туда за... за снегом, выше ещё там, ущелье шаманов есть, очень красивое место вообще. И вот шаманы э, такие сильные шаманы, которые чувствовали себя, что они скоро уйдут в иной мир, они уходили, умирали там. Ущелье шаманов называется» (В.С., с-с, 3). (1)*

Современные шорцы и в настоящее время активно используют практики шаманизма, которые являются одним из значимых скреп идентичности, объединяющей разные поколения шорцев: «*А вот у мамы был дедушка, ни папа, а дедушка был шаманом. Вот на Берёзовой гриве. Мама говорит: «Хорошо помню, что, её мама всё время к нему бегала, к этому дедушке от, чтобы де, этот, муж её не видел». И он, говорит, её всё время лечил, как, шаманил над ней, значит. Чтобы она, там, приболела чё-нибудь, врачей же больно-то не было. Вот, он, говорит, её лечил, но чтоб дедушка не знал. [Как они, они травмами как-*

то печат или...?] Нет, вот как-то вот этот бубен, бубен, значит, и вот я не знаю остальное я ничё не знаю (З. И., с-с, 2).

Отношение к современным шаманским практикам различное – от сомнения и неприятия до убеждения в их действенности. Отмечая высокую духовную роль шамана: «Ну, вообще я считаю, что шаман-то – это духовное лицо. К ним-то..., как мы-то говорим, он – посредник между богом и людьми, который в трудную минуту. Када шорцу плохо, он приходил к шаману, и тот уже обращался туда, к богу), наша собеседница отмечает: ... щас же шаман – это немножко... другие» (М. А., в, 2). Отмечено нами было и выражение вариантов полного доверия к практикам шаманизма: «Угу. А ещё, а ещё, э-э, у меня вот сестра щас умерла. Когда у неё свекровка умерла, и она стала болеть, болеть, болеть. И вот она ездила тоже к шаману, и он говорит: „Она взяла у неё „кут“ – дух, душу её забрала» (Е. Н., в, 3). «Мама вот болела у нас часто так, вот мы приглашали... Шаманил-лиши... там. Раньше же и женщины шаманили. Ну, мы как-то обращались знакомые только с шаманами» (О. Е., н, 3). Восстанавливая историю последних 30 лет возрождения шаманизма, респондент отмечает: «Представь себе, уже тридцать два года. Прошло бы тридцать два года и сейчас на Таштагольский район – более десяти шаманов ... Не-не-не, я шаманам, нынешним шаманам, которые вот, вот сейчас образовались эти последние годы, ты знаешь, почему-то добра не, не слышу. ... Ну пусть меня, уосподи, пусть простят они меня.» И далее продолжает: «Ну эти, эти, эти, ну да, вот наши шорцы, вот эти вот шаманы современные, они родовые вот эти вот обряды проводят, родственников только собирают. Вот эти вот родовые, да, проводят. Ну я первое время ходила, но я абсолютно ничего не почувствовала» (В. С., с-с, 3).

Как упоминалось ранее, национальные традиции, в том числе обычаи и обряды, являются яркими маркерами этнической принадлежности, которые зачастую также связаны с языческими представлениями шорцев: «Ну вот... Духи... Мы идём, как грится, заходим, чтоб очищение, идём, вначале очищение идёт, как грится, а потом заходит все и проводят „Чил Паж“, то есть „Рождение Года“. Это мы двадцать второго марта проводим. Потом, значит, летом „Шаче“, то есть мы, как грится, землю, это, окрап-ляем, потом горы, это, огню даём, то есть, это, самой природе... „Шаче“ – это как бы благодарность что ли...» (З. И., с-с, 2); «Ну, почему не

помним, помним. Ну, то есть, те, вот эти вот сказки, легенды вот рассказывали. Например, у нас есть у каждого в посёлке свои родовые горы, и именно вот рассказывали, вот эта гора, почему эта гора образовалась и так далее. Вот. Обряды проводили. Это вот я очень хорошо помню: жертвоприношение, вот. То есть, обряды, обряды... проводились? В день весеннего равноденствия, когда урожаем вот соберётся – осенью; вот зимою, когда охотники уходили в тайгу, обязательно это, в общем, три-четыре раза в год проводились обряды, как..., я вот не помню теперь, какие-то обряды проводились, чтоб скотина не болела» (Р. С., в, 3).

Легенды шорцев – наиболее устойчивая часть духовной культуры; о содержании легенд, отражающих представление о мироустройстве, о главных богах пантеона с удовольствием рассуждали с нами практически все собеседники среднего и старшего возраста: «Да, но река, река в образе. А, гор, леса, почему-то в образе мужчины, там были двое мужчин и девушка вот, прям, интересно на конях мы ехали. Ну Альгудек, в первую очередь, Альгудек, он всегда открывает праздник. Альгудек – это богатырь, шорский что вот, ааа, всегда в начале приходит Альгудек, тоже на коне приезжает, дают разрешение на проведение всего праздника вот, и потом, благословляет, уходит тоже, кормить духов гор, речки, окгня вот, огонь сказать да» (Г. Н., с, 2).

Другие жанры шорского фольклора – песни и сказки вне социализированных практик в домах народного творчества практически не включены в контекст жизни современных шорцев. На вопросы о характере знакомства с этими жанрами уверенно отвечают только представители старшей возрастной группы и приближающиеся к ним по возрасту наши собеседники второй группы. И в том и другом случае респонденты сожалеют о том, что сейчас не сохранились песни, сказки, которые они слышали в детстве: «Ммм..., не знаю. Ну, и вот, они действительно вот... как-то на ходу сочиняли. Как-то у них складно всё получалось. Никто не записывал... Ушли эти песни все. А щас не знаю, кто поёт, не поёт ли...» (М. Н., н, 3), отсылают к воспоминаниям о периоде детства, как правило – общению с родителями, бабушками и дедушками: «Дедушка мне про всё это рассказывал, и ещё шире, ещё как-то более доходчиво, я даже вот так вот он мне, вот так возьмёт на руки, вот так на коленки посадит, вот так покачивает и поёт: Вот так вот, а так я помню, как он рассказывал, вот он пел, всегда рассказывал, вот эээ

как герой сильный, вот национальный герой такой, ну не национальный, просто герой, он мог через горы летать и через моря пролетать, и злого там хана убивать» (В. С., с-с, 3). Другая респондентка, вспоминая названия национальных музыкальных инструментов, рассказывает: «Кайкомус? Ну, сказки рассказывали. И вот, значит, они играли, и вот, значит, и рассказы по всей ночи. Соб..., собирались, вот кто шорцы тут были, собирались и по всей, ну, вот всю ночь вот, ну, наверно, выходной какой-то. И вот пели прям так интересно. Ой, ну вот рассказывали вот эти вот сказки. Прям интересно было, очень интересно, прям. Главное, он вот он как-то вот пел вот на этой кайкомус-, кайкомусе» (В. В., с, 3).

Однако путь к фольклорным истокам этнической идентичности может быть и другим, через образовательные учреждения и центры шорской культуры. На типичный вопрос анкеты, слушала ли она в детстве сказки и песни на шорском языке наша собеседница отвечает: «... я больше узнала, когда я выросла уже, вот когда я стала именно заниматься вот этим... делом по работе, вот. Вот тогда я много. И легенд... много... пришлось и читать, и пословицы большие, наработан материал» (В. В., с. 3). Таким образом, в регионе создана система поддержки культурных традиций: создаются кружки, центры, в которых изучаются национальные язык, литература, музыка. У шорцев функционирует два ансамбля взрослых участников – «Челтыс» и «Акчерек» и один детский – «Чакек», а также общественная организация «Таглыг Шор угу», о деятельности которых с большим удовольствием повествуют наши собеседники: «Руководитель шорского наци...само...самодеятельного ансамбля „Акчерек“, народного шорского ансамбля „Акчерек“. Акчерек – это, понимаете, „Белый цветок“, а детская группа называется „Чакек“ – „цветочек“» (З. И., с-с, 2).

Поддерживаются традиции шорской культуры и в современном поэтическом творчестве: «Стихи пишу, да, вот, пишутся стихи. [Стихи пишете?] Но же надо же его печатать, ну... [А вы...а вы на русском стихи пишете или на шорском?] Ну и на своём пишу. [На шорском пишете?] На шорском, и на т., и на русском, когда как полу...это самое. Оно же идёт с...» (В. С., сс, 3); «Ну, вот у Тудегешевой на тему любви, боле... это... потом детства, воспоминаний детства, у неё очень много стихов. Ну, у неё край такой, здесь недалеко есть Усть-Анзас, вот, э-э, Суета, сказала Галина, а туда ещё дальше, я туда много лет возила

детей, когда работала, в лагерь мы ездили. Там есть музей под открытым небом... Вот. Ну вот она пишет своё детство, потому юность, потом... о любви много стихов, ну, ранняя вот любовь, как бы, посвящает много своим детям, сыновьям она там посвящает, у неё стихи. Ну, и больше всего природа. Природа у неё в такой красе написана, что, он... как всегда, вот... употребляешь именно слова, может, кому-то не нравится там, а когда это мне надо, я беру именно эти слова, вот» (Е. Н., в, 2).

Из спектра маркеров этнокультурной идентичности, относящихся к сфере материальной культуры, наши собеседники наиболее часто актуализировали особенности национальной кухни. В следующих двух репликах респонденты повествуют о наиболее характерных блюдах шорской кухни, пирогах, пельменях, напитках: «Ну как, пельмени с кедровым орехом. Это шорское блюдо чисто. У Таштагольского районе. У нас пельменек называется, да? Пельмени. А у них переgeh – пельмени. И они вот с.. кедровым орехом» (У. Н., в, 2); «Я знаю, что всегда делали пельмени. А шорские пельмени вот такие были. Я не знаю, мама говорит, где-то там она в этом, в Таштагольском районе... с ладошку, короче. с медвежатины» (В. В., с. 3); «Кюрмек... с это... кюрмек с рыбой, кюрмек с колбой может, кюрмек с мясом? ...: Это закрытый пирог. Когда на лист кладется тесто, да? Сверху рыба или мясо или, ну... .. Да, кусочки. И сверху тоже накрывается все и запекается» (Н. С., в, 2).

Гораздо в меньшей степени наши собеседники склонны рассуждать об особенностях национального костюма, которые также «ушли в историю», ср. две реплики: «[Ну, а у меня еще один вопрос тогда: вот как раньше одевались, какая одежда была, что носили?] Одежды никакой не было. Если б у меня была одежда, я тоже пошла учиться» (В. В., с. 3). «... У меня дедушка с бабушкой, они жили зажиточно, вот у них очень много вот таких вот вещей было, что вот шелка вот, эти... кагаори? много вот, я вот на сколько вот сейчас вот помню, много серебра вот было у них, ой... сундуки украшений у бабушек было сколько, у бабки сколько всяких платков было! Она, бабушка, как начнет чё-то сушить, я вот туда вот в сундук лезу... Интересно. Мне не настолько эти платки были интересны, а мне настолько было интересно вот, что там эти бусы всякие, серьги... И вот куда это всё девалось, я вот до сих пор не представляю» (Р. С., в, 3). И этот вид маркеров этнокультурной идентичности поддержива-

ется в деятельности ансамблей народного творчества, в которых воссоздаются детали национального костюма.

Обращаясь к характеристике традиционных для шорцев видов деятельности, респонденты чаще всего упоминают охоту и рыбалку, и связанные с ними предметы быта: [Ну то есть, и те, и те, как вялили да, вот на солнышке]

«На солнышке! Ой, не на солнышке, а это, солили и вешали в теньке, как бы объяснить, это были, по-шорски скажем „чапе“, а по-русски это будет, ну типа, наверное, шалаша» (Г. Н., с. 2); *«А так, да! Вот этих, ммм, мультанов, мы называем эти мелкие рыбки да, пескаррики маленькие, вот их сушили просто, ммм, ну много сушили, а потом из этой сушёной рыбы варили, ааа, тутпеиш, мы называем, это ржаная мука и, ну с чем вот сравнить, нарезаем, допустим, когда лапшу режем, это кубиками нарезаем, да, а это просто руками рвёшь, у нас папа, отец её звал «рвачка», потому что рвёшь.. И вот эта вот сушёная рыба, зелень, но вкус я помню (...) вкус рыбы»* (Г. Н., с. 2).

Заключение

Таким образом, анализ записей интервью и свободных бесед с шорцами в проекте по изучению тюркско-русского билингвизма, позволил выявить спектр тем, связанных с актуализацией тем этнокультурной идентичности. Современные шорцы, как и другие народы, включенные в процессы не только экономической, но и культурной интеграции и глобализации, переживают динамические изменения и в отношении к темам, образам этнической культуры, их содержанию, так и способам их поддержания и актуализации. Наиболее глубинные образы и идеи включаются в контекст обыденной и праздничной жизни современных шорцев (идеи анимизма, практики и образы шаманизма), а другие актуализируются в социальных практиках, организуемых при поддержке государства, прежде всего музыкальный фольклор. В нашей выборке более склонными к культурной метарефлексии оказались представители II возрастной группы (от 35 до 65 лет).

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. № 14. Москва, 2018. 18 с.
2. Артеменко Е. Д., Буб А. С., Васильева А. В. и др. Свидетельство о государственной регистрации базы

данных «Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона» № RU 2019620803

3. Всероссийская перепись населения 2010. «Федеральная служба государственной статистики». URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения 22.07.2022)

4. Диброва В. С. Влияние возраста на субъективное оценивание уровня языка херитажными билингвами (на материале тюркско-русского взаимодействия языков Южной Сибири) // Сборник тезисов XXV Открытой конференции студентов-филологов 18–23 апреля 2022 г., СпбГУ. Санкт-Петербург, 2022. 354 с.

5. Зыкин А. В. Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке // Человек. Культура. Образование. № 4 (30). Санкт-Петербург, 2018. С. 74–89.

6. Казакевич О. А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3(44). Москва, 2006. С. 221–231.

7. Кожемякина В. А., Колесник Н. Г. и др. Языковая ситуация // Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. Москва, 2006. 266 с.

8. Комарова И. Г. Факторы формирования и маркеры этнической идентичности томских татар. Томск, 2009. 33 с.

9. Кондратьева В. В. Традиционная культура татар Бурятии на современном этапе // Вестник ВСГАКИ. № 1 (1). Улан-Удэ, 2011. С. 190–195.

10. Резанова З. Образ языка в дискурсах этнолингвистической этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. Journal of European Languages and Literatures Issue 13 (Autumn 2020). P. 97–120.

11. Резанова З. И., Некрасова Е. Д., Миклашевский А. А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. № 2 (52). Томск, 2018. С. 107–117.

12. Резанова З. И., Темникова И. Г., Некрасова Е. Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.

13. Резанова З. И., Рыжова О. В. Языки в «светлом поле» сознания билингва (на материале метатекстов шорско-русских билингвов корпуса устной речи RuTuBiC) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 74. 2021. С. 130–145.

14. Рыжова О. В. Метаязыковая рефлексия в речи русско-тюркских билингвов // Сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» / под редакцией Е. О. Третьякова. Томск, 2020. С. 90–92.

15. Салихова А. Р. Этническое самосознание как фактор сохранения культуры сибирских татар. Тюмень, 2006. 172 с.

16. Фёдоров Р. Ю. Маркеры этнокультурной идентичности в календарной обрядности белорусских крестьян-переселенцев // Вестник славянских культур. №1 (55). Москва, 2020. С. 21–33.

17. Шахбанова М. М., Лысенко Ю. М., Мамараев Р. М. Маркеры воспроизводства этнической идентичности дагестанских русских // Фундаментальные исследования. № 9 (12). Москва, 2014. С. 2779–2783.

18. Советская историческая энциклопедия. Том № 16, 1976. 509 с. URL: <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/20521> (дата обращения 20.09.2022)

19. Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2005. Vol. 50, № 4. P. 940–967

20. Rezanova Z. I., Temnikova I. G., Artemenko E. D., Stepanenko A. A., Datsyuk V. V., Dybo A. V. The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019). Выпуск 18. Дополнительный том, С. 200–210.

Reference list

1. Azimov Je. G., Shhukin A. N. Problemy leksikograficheskogo opisanija lingvodidakticheskoi terminologii = Problems of lexicographic description of linguodidactic terminology // Voprosy leksikografii. № 14. Moskva, 2018. 18 s.

2. Artemenko E. D., Bub A. S., Vasil'eva A. V. i dr. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh «Bimodal'nyj korpus ustnoj rechi zhitelej juzhno-sibirskogo regiona» = Certificate of state registration of the database «Bimodal corpus of oral speech of South Siberian inhabitants» № RU 2019620803

3. Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 = All-Russia population census 2010. «Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki». URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (data obrashhenija 22.07.2022)

4. Dibrova V. S. Vlijanie vozrasta na sub'ektivnoe ocenivanie urovnja jazyka heritazhnymi bilingvami (na materiale tjurksko-russkogo vzaimodejstvija jazykov Juzhnoj Sibiri) = The influence of age on the subjective evaluation of language level by heritage bilinguals (on the material of Turkic-Russian language interaction in South Siberia) // Sbornik tezisov XXV Otkrytoj konferencii studentov-filologov 18–23 aprelja 2022 g., SpbGU. Sankt-Peterburg, 2022. 354 s.

5. Zykin A. V. Razvitie kul'tury i jetnicheskogo samoznaniija shorcev v XX veke = Development of Shorian culture and ethnic identity in the XX century // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. № 4 (30). Sankt-Peterburg, 2018. S. 74–89.

6. Kazakevich O. A. Dokumentacija ischezajushhijh jazykov Sibiri (na materiale dvuh poselkov Krasnojarskogo kraja) = Documentation of Siberia's disappearing languages (on the material of two settlements in Krasnojarsk region) // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. № 3(44). Moskva, 2006. S. 221–231.

7. Kozhemjakina V. A., Kolesnik N. G. i dr. Jazykovaja situacija = Linguistic situation // Slovar' sociolingvističeskijh terminov / otv. red. V. Ju. Mihal'chenko. Moskva, 2006. 266 s.

8. Komarova I. G. Faktory formirovanija i markery jetnicheskoi identičnosti tomskijh tatar = Factors of formation and markers of ethnic identity of Tomsk Tatars. Tomsk, 2009. 33 s.

9. Kondrat'eva V. V. Tradicionnaja kul'tura tatar Burjatii na sovremennom jetape = Traditional Tatar culture in Buryatia at the present stage // Vestnik VSGAKI. № 1 (1). Ulan-Udje, 2011. S. 190–195.

10. Rezanova Z. Obraz jazyka v diskursah jetnolingvističeskoi ijetnokul'turnoj samoidentifikacii u sovremennyh sibirskijh shorcev = The image of the language in discourses of ethnolinguistic and ethnocultural self-identification in modern Siberian Shorians // Interface. Journal of European Languages and Literatures Issue 13 (Autumn 2020). P. 97–120.

11. Rezanova Z. I., Nekrasova E. D., Miklashevskij A. A. Issledovanie psiholingvističeskijh i kognitivnyh aspektov jazykovogo kontaktirovanija v proekte «Jazykovoe i jetnokul'turnoe raznoobrazie Juzhnoj Sibiri v sinhronii i diahronii: vzaimodejstvie jazykov i kul'tur» = The study of psycholinguistic and cognitive aspects of language interaction in the project «Linguistic and ethnocultural diversity of South Siberia in synchronic and diachronic aspects: the interaction of languages and cultures» // Rusin. № 2 (52). Tomsk, 2018. S. 107–117.

12. Rezanova Z. I., Temnikova I. G., Nekrasova E. D. Dinamika sociolingvističeskijh processov v Juzhnoj Sibiri v zerkale bilingvizma (russko-shorskoe i russko-tatarskoe jazykovoe vzaimodejstvie) = Dynamics of sociolinguistic processes in South Siberia in the mirror of bilingualism (Russian-Shorian and Russian-Tatar linguistic interaction) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 436. S. 56–68.

13. Rezanova Z. I., Ryzhova O. V. Jazyki v «svetlom pole» soznaniija bilingva (na materiale metatekstov shorsko-russkijh bilingvov korpusa ustnoj rechi RuTuBiC) = Languages in the «light field» of the bilingual mind (based on meta-texts of Shorian-Russian bilinguals in the RuTuBiC oral corpus) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. № 74. 2021. S. 130–145.

14. Ryzhova O. V. Metajazykovaja refleksija v rechi russko-tjurskijh bilingvov = Meta-linguistic reflection in Russian-Turkic bilingual speech // Sbornik materialov VI (XX) Mezhdunarodnoj konferencii molodyh učenijh «Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedenija» / pod redakcij E. O. Tret'jakova. Tomsk, 2020. S. 90–92.

15. Salihova A. R. Jetnicheskoe samosoznanie kak faktor sohraneniya kul'tury sibirskih tatar = Ethnic identity as a factor in preserving the culture of the Siberian Tatars. Tjumen', 2006. 172 s.

16. Fjodorov R. Ju. Markery jetnokul'turnoj identichnosti v kalendarnoj obrjadnosti belorusskih krest'jan-pere selencev = Markers of ethnic and cultural identity in the calendar rituals of Belarusian peasant settlers // Vestnik slavjanskih kul'tur. №1 (55). Moskva, 2020. S. 21–33.

17. Shahbanova M. M., Lysenko Ju. M., Mamarayev R. M. Markery vosпроизводства jetnicheskoj identichnosti dagestanskih russkih = Markers of ethnic identity reproduction among Dagestani Russians // Fundamental'nye issledovanija. № 9 (12). Moskva, 2014. S. 2779–2783.

18. Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija = Soviet Historical Encyclopedia. Tom № 16, 1976. 509 s. URL:

<https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/20521> (data obrashhenija 20.09.2022)

19. Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2005. Vol. 50, № 4. P. 940–967

20. Rezanova Z. I., Temnikova I. G., Artemenko E. D., Stepanenko A. A., Datsyuk V. V., Dybo A. V. The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (2019). Vypusk 18. Dopolnitel'nyj tom, S. 200–210.

Статья поступила в редакцию 24.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted on 24.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication on 17.11.2022.